

## ЭТНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В МОНОГРАФИИ М. ЖУМАБАЕВА «ПЕДАГОГИКА»

Зульфия Абдулловна Аксютина

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы, факультет психологии и педагогики, Омский государственный педагогический университет  
e-mail: [aksutina\\_zulfia@mail.ru](mailto:aksutina_zulfia@mail.ru)

В статье проводится анализ этнических мотивов в монографии М. Жумабаева «Педагогика» и выявление их роли и места в произведении. Предметом исследования выступили приведенные М. Жумабаевым примеры из жизни и быта казахского народа, высказывания восточных мудрецов, факты, приведенные из истории, возможности народного фольклора, которые используются в воспитательных целях, показаны аспекты использования национальных традиций и праздников для достижения педагогических целей. Яркий, красочный язык автора, его метафорические отступления делают труд «Педагогика» доступным любому читателю.

**Ключевые слова:** М. Жумабаев, педагогика, национальные мотивы, примеры из жизни и быта, мудрость Востока, историческая фактология, народный фольклор, национальные традиции и праздники.

### ETHNIC MOTIVES IN M. ZHUMABAEV'S MONOGRAPH "PEDAGOGY"

Z.A. Aksyutina

Candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor of the department of social pedagogy and social work, faculty of psychology and pedagogy, Omsk state pedagogical university  
e-mail: [aksutina\\_zulfia@mail.ru](mailto:aksutina_zulfia@mail.ru)

**Abstract.** The article analyzes ethnic motifs in M. Zhumabaev's monograph "Pedagogy" and identifies their role and place in the work. The subject of the research was the examples from the life and everyday life of the Kazakh people given by M. Zhumabayev, the statements of the eastern sages, facts from history, the possibilities of folklore that are used for educational purposes, the aspects of using national traditions and holidays to achieve pedagogical goals are shown. The bright, colorful language of the author, his metaphorical digressions make the work "Pedagogy" accessible to any reader.

**Key words:** M. Zhumabaev, pedagogy, national motives, examples from life and everyday life, wisdom of the East, historical factology, folklore, national traditions and holidays.

Магжан Бекенович Жумабаев прожил короткую, но весьма продуктивную яркую жизнь. Он родился 25 июня 1893 года. Педагогическое образование получил в Омской учительской семинарии, где обучался с 7 мая 1914 года по 24 марта 1917 г. [Аксютина 2023а]. «Хотя судьба его тесно связана с педагогикой, известно об этом сравнительно немного» [Аксютина 2021, с. 99]. В 1922 году в Оренбурге на арабском языке была опубликована теоретическая работа М. Жумабаева «Педагогика», в 1992 г. ее переиздали на казахском языке. На русском языке книга до сих пор не издавалась [Аксютина 2023а, 100]. Книга стала знаковой для зарождения педагогической мысли в Казахстане и продвижения ее в народные массы. В 30-ые гг. прошлого столетия М. Жумабаев был репрессирован, а 19 марта 1938 года

был расстрелян. В большей степени он известен как поэт, но его педагогическое наследие заслуживает пристального внимания.

Цель статьи заключается в анализе этнических мотивов в монографии М. Жумабаева «Педагогика» и выявлении их роли и места в произведении.

Рассмотрим примеры, пронизанные национальными мотивами, имеющиеся в монографии М.Б. Жумабаева «Педагогика».

Наиболее ярко в педагогическом труде прослеживается пронизанность примерами из жизни и быта казахского народа: «... Вспоминая деревянный сундук, расположенный справа в юрте, для хранения продуктов, посуды, мы можем вспомнить, что рядом находились казан (*традиционный национальный котел для приготовления пищи на открытом огне – прим. автора*), ведро, астау (*традиционное деревянное блюдо для подачи бешбармака – прим. автора*)» [Жұмабаев 1992, 37]. Отметим, что картинки быта казахов автор критикует в надежде сформировать у населения понимание необходимости изменений. Он пишет: «Возникнет вопрос: Разве у казахов есть такая возможность, чтобы дать ребёнку комнату в юрте? А если говорить честно, то когда у казаха был нормальный дом? Никогда. Обычно это неубранный сарай» [Жұмабаев 1992, 8]. И продолжает осмысленно описывать быт казахов, для понимания проблем развития ребенка: «Для воспитания ребёнка юрту невозможно считать достаточно удобной. Юрта не совсем удобна, в ней отовсюду дует ветер, который часто является причиной заболевания ребёнка. Однако, унести ребёнка куда-то – нет места» [Жұмабаев 1992, 9]. Вековые традиции, которые были обыденностью и передавались от одного поколения к другому вызывают у Магжана Бекеновича эмоционально окрашенное переживание, связанное с необходимостью прогрессивных изменений. Он восклицает: «Мать, которая беззубым деснам ребёнка дает жевать хлеб, мясо, масло вовсе не друг, а враг. Жирный баурсак (*обжаренное мучное изделие – прим. автора*), казы (*конская колбаса – прим. автора*), карта (*отварное в кишке мясо со специями – прим. автора*) дают в младенческом возрасте только жестокие матери. Ведь организм и желудок ребёнка еще слабы, не выносят тяжелую еду? Дети казахов часто от применения тяжелой пищи болезненные» [Жұмабаев 1992, 10]. Многие картины быта автор подвергает жесткой критике, в надежде внести изменения, приблизить степной народ к более цивилизованному образу жизни, сделать его более культурным.

Особую озабоченность педагога вызывает формирование у подрастающего поколения вредных привычек, которые сегодня носят название зависимого поведения. Он подчеркивает: «Ребёнку нельзя давать насвайные изделия (*некурительное табачное наркотическое средство – прим. автора*) и разрешать курить. Среди казахов есть люди, которые смеются и наслаждаются тем, что дают своим детям курить. Это неграмотность, не так ли? Всем также известно, что детям нельзя давать алкоголь или же опьяняющие продукты» [Жұмабаев 1992, 20]. Традиция использования насвая настолько устойчивая, что даже за годы Советской власти ее не удалось искоренить в республиках Средней Азии.

Уяснение истины, поиск ее значения, интерпретация фактов, все это автор оставляет читателю. В этом видится оптимистичное отношение автора педагогического произведения к читателям, надежда на то, что изменения в воспитании будут.

Магжан Жумабаев приводит интереснейшие исторические примеры. Одним из таких стал пример ученого: «Великий ученый-биолог Линней не мог выучить иностранные языки, но хорошо запоминал названия растений» [Жұмабаев 1992, 40]. Создается впечатление, что М. Жумабаев предвосхитил положения учения о дефектах и их компенсации, которые чуть позже предложит Л.С. Выготский.

Работа пронизана гуманистическими ценностями уважения и порядка, для чего используется историческая фактология: «Человек, который любит свою Родину, должен относиться к людям другой страны с уважением, потому что ненависть приводит к беспорядку, и земля может захлебнуться кровью от злорадства. Доказательством этого является пролитая кровь народов Европы в сражениях 1914 года и во всех предыдущих войнах!» [Жұмабаев 1992, 67]. Критическое осмысление всего это главная характеристика исследователя.

В работе «Педагогика» М. Жумабаев уделяет внимание и своему наставнику Миржакипу Дулатову – известному казахскому поэту и писателю, который помог ему в изучении русского языка, необходимого для поступления в Омскую учительскую семинарию.

Он пишет: «...В романе М. Дулатова «Бакытсыз Жамал (Несчастливая Джамал)», прототипа героини которой на самом деле в казахском народе, скорее всего не существовало. Но были бедные девушки, такие, как Нурила, Сагила, Аккыз и Акбала..., слезы которых лились рекой из-за того, что не могли они быть со своими любимыми, от чего были глубоко несчастны. Из всех этих образов М. Дулатов создал новый образ, образ несчастной Жамал» [Жұмабаев 1992, 42]. Пережившему потерю любимой жены от тяжелых родов М. Жумабаеву была близка поднятая в романе М. Дулатова проблема любви и счастья, которая стала лейтмотивом поэтического творчества М. Жумабаева.

В другом месте он пишет о казахском поэте: «Миржакип Дулатов в одном из своих стихотворений написал:

Мен біткен ойпаң жерге аласа ағаш,  
Емеспін жемісі көп тамаша ағаш.  
Қалғанша жарты жаңқам мен сенікі,  
Пайдалан шаруаң жараса, алаш,

– что в переводе означает: в детстве я играл возле низкого дерева, после это дерево принесло прекрасный плод, если тебе понадобится, то я могу поделиться этим плодом» [Жұмабаев 1992, 67].

Кроме того, он обращается и к поэзии великого Абая, высоко почитаемого в Казахстане:

«Әуелде бір суық мұз – ақыл  
зерек,

Сначала один холодный лед – разум,  
Согреваемый сердцем.

Жылытқан тұла бойды асыл  
жүрек.  
Тоқтаулылық, талапты  
шыдамдылық,  
Бұл қайраттан шығады, білсең  
керек.  
Ақыл, қайрат, жүректі бірдей  
ұста.  
Сонда толық боласың елден  
бөлек.  
Жеке-жеке біреуі жарытпайды,  
Жол да жоқ жарыместі "жақсы"  
демек.  
Ақыл да, ашу да жоқ, күлкі де  
жоқ,  
Тулап, қайнап бір жүрек  
қылады әлек.  
Біреуінің жөні жоқ біреуінсіз,  
Ғылым сол үшеуінің жөнін  
білмек»

[Жұмабаев 1992, 23].

Слова великого поэта Абая для М. Жумабаева имеют профессиональный педагогический смысл, а его слова: «Учить ребёнка неустанно долг учителя» [Жұмабаев 1992, 76] и сегодня звучат актуально.

Есть в тексте «Педагогика» и обращение к великим восточным мудрецам. М. Жумабаев обращается к читателям их словами: «Старики часто дают советы молодым. "Дети, видимо, я постарел, раз часто вспоминаю дни своей молодости!" – говорил Абылай хан» [Жұмабаев 1992, 42], «"Не учи ребенка быть похожим на себя, а учи быть не похожим на себя" – слова Азрет Али» [Жұмабаев 1992, 5]. В каждом таком высказывании скрыт художественно-эстетический смысл, требующий оценки педагогического знания, раскрытия духовного смысла педагогики на основе их интерпретации, что способствует зарождению круга понимания, который принято называть «герменевтическим кругом». «Традиция в которой живет и мыслит человек, – это предварительное понимание» [Закирова 2006, 214].

Для достижения понимания автор широко использует народный фольклор яркость и красочность которого позволяет сделать изложение более близким к психологии адресанта. Он использует разные виды устного народного творчества: «... Легенда, в которой Карынбай имел пристрастие разводить скот, имея негативное пристрастие к алкоголю. Человек с таким пристрастием нездоров, он не развивается как положено, а, наоборот, деградирует» [Жұмабаев 1992, 78].

Приводит слова акына:

«Сөзімді біреу алмас, біреу алар,  
Құлағын біреу салмас, біреу салар».

Сдержанный и выносливый,  
Ты знаешь, как это бывает.  
Ум, упорство, единство сердца.  
Тогда ты наполнен и вне страны.  
По отдельности никто не светит,  
Хорошо, что половины пути не  
бывает.  
Ни ума, ни гнева, ни смеха,  
Оно наполнилась, закипело и  
сжалось.  
И без названий,  
Наука будет знать о их единстве.

Кто-то может, кто-то  
нет,

Кто-то слышит, иной  
нет.

[Жұмабаев 1992, 8].

Использует педагогический потенциал колыбельной:

«Әлди-әлди, ақ бөпем.

Ақ бесікке жат бөпем...

Жылама, бөпем, жылама.

Жілік шағып берейін.

Бай құтанның құйрығын,

Жіпке тағып берейін...

Әлди, әлди, әлди-ай...»

Элди-әлди, белый бубен.

Белой колыбели нет...

Не плачь, не плачь и не

грусти.

Я дам тебе кусочек.

Хвост от богатой птицы,

Чтобы носить на

бечевке...

Эльди, эльди, эльди-ай...

[Жұмабаев 1992, 13].

Обращается М. Жумабаев и к такому жанру как предания. Он повествует: «У казахов есть красивое предание о Коркыте, который для того, чтобы избежать беспокойных мыслей о смерти, непрерывно играл на кобызе (*старинный смычковый музыкальный инструмент – прим. автора*)» [Жұмабаев 1992, 31].

Происходит оперирование казахской народной сказкой, роль которой в воспитании занимает исключительное место: «Для ребёнка в сказке все правда. Он верит во все: что лошадь Кобыланды Тайбурыл умеет разговаривать, что из оторванного хвоста синей козы получается ребёнок, в сказке «Алтын сака» прикосновение ребёнка заживляет все болячки молодого жеребенка, оседлание превращает жеребенка в коня и т.д.» [Жұмабаев 1992, 44].

Образный язык, скрытый педагогический потенциал народной мудрости, намеки, используются в монографии посредством восточной мудрости, содержащейся в казахский народных пословицах и поговорках. Например: «Болезнь от еды» [Жұмабаев 1992, 10], «Все, что человек принимает близко к сердцу, отражается на его лице» [Жұмабаев 1992, 19], «Стыд страшнее смерти» [Жұмабаев 1992, 63]. Широко используются пословицы и других восточных народов. Например, иранская пословица: «За злодеяния, которые сделал ребенок, наказание должен понести его воспитатель» [Жұмабаев 1992, 10]. Данная высказывание очень точно передает нравственную позицию М. Жумабаева, его собственное отношение к педагогической деятельности и ответственности за ее результаты. Красочность и меткость высказываний призвана сформировать научно-педагогическое знание читателя, запомниться ему, стать близким.

Эстетика слова, любовь к родине наиболее ярко видны в описаниях родного края М. Жумабаевым: «Немного стоит остановиться на воображении детей казахского народа. У детей казахов, которые живут под чистым небом, на благоухающем зеленом лугу, радуются вместе с солнцем, хмурятся вместе с тучами, бегают вместе с порывом сильного ветра, гуляют по просторной широкой степи вместе с животными должно быть яркое, глубокое, острое

воображение. Но казахский народ не получил достойного воспитания и его воображение не развито, но мы верим, пройдут дни, пройдут годы, когда казахи научатся развивать свое воображение, и тогда в истории человечества появятся яркие звезды» [Жұмабаев 1992, 43].

М. Жумабаеву присуща истинная трепетная любовь к родному краю, восхищение ее красотами. Богатство языка и образность мышления автора позволяют читателю представить яркие картинки природы на основе прочитанного, что так свойственно всему творчеству поэта и педагога.

«Красота природы и искусство пробуждает в душе человека эстетические чувства. Нежный цветок, густой лес, звонкая вода, журчащий ручей, черное море, вьющаяся степь с разными растениями, высокие горы, равняющиеся с облаками, игристые, золотые лучи солнца, красивая луна, звездная ночь, прекрасные картины, песни, кюйи (*традиционная инструментальная пьеса – прим. автора*) не могут не вызвать эстетические чувства, так же, как и такие виды искусства, как архитектура и скульптура, радуя глаз человека, вызывают внутреннее волнение» [Жұмабаев 1992, 65].

В работе «Педагогика» упоминаются национальные традиции и праздники. Он повествует: «Провинившуюся женщину у казахов сажали задом наперед на черного быка, лицо измазывали черной золой и провозили вокруг аула. У каждого народа наказание стыдом считается самым сильным наказанием» [Жұмабаев 1992, 63]. Образность приведенного примера позволяет прочувствовать, то что испытывает провинившаяся. Другой пример национального праздника приводится во взаимосвязи с женским именем: «В действительности слово должно употребляться по контексту с близким лексическим значением. Например, "Наурыз это национальный праздник весеннего равноденствия. Меня зовут Наурыз"» [Жұмабаев 1992, 53]. Сопоставление двух элементов позволяет понять присущую казахам традицию давать имена, несущие в себе определенные глубинные смыслы.

М. Жумабаев был знатоком фольклора, что указано в юбилейном издании о нем: «Магжан является автором таких трудов как: «Педагогика», «О преподавании русского языка в младшей школе». Ему принадлежат собрания образцов народного творчества и исследования об Абхан сери, Базар жырау, Абубакер Диваеве» [Біздин 2018, с. 131]. Именно широкое знание национального фольклора, трепетное к нему отношение, позволило наполнить педагогический труд яркими примерами.

М. Жумабаев в рассматриваемом произведении не лишен религиозности, на что оказало влияние его предыдущее образование, полученное в «Шала казак медресе» г. Кызылжар (ныне г. Петропавловск), где учился на протяжении 1905-1910 гг. [Темирканова 2020, 12], и медресе «Галия» (г. Уфа, 1910-1913 гг.). Он приводит следующий пример: «Любой человек, будь то нищий, голодный, невоспитанный, ищет свои ошибки, работает над ними, прося у Аллаха прощения за совершенные грехи» [Жұмабаев 1992, 20].

Автор произведения, нацеленный на просвещение народа, предпринимает попытку предупредить распространение предрассудков: «...

Казахские предсказатели, ясновидящие, которые видят умершего человека, ангелов, джиннов, слышат звуки, голоса, которые не существуют в реальности, подвержены галлюцинациям» [Жұмабаев 1992, 36], и борется с явными суевериями: «Если в день приезда гостей овца принесла двойню, то это вовсе не от благожелательности гостей. Овца не осеменена в день приезда гостей, это произошло несколько месяцев назад, поэтому это совпадение последовательности событий» [Жұмабаев 1992, 36]. М. Жумабаев стремится к формированию у читателя научного мировоззрения, лишённого предубеждений, суеверий и предрассудков. Язык самого педагога начинает приобретать ещё большую образность и метафоричность, когда он, например, пишет о том, что «неуч – это живой труп» [Жұмабаев 1992, 66].

За счёт использования этнического материала текст М.Б. Жумабаева «Педагогика» имеет особую яркость, эмоциональность и красочность, чтение монографии становится интересным и увлекательным процессом, позволяющим более точно представить ценности и картинки быта казахского народа, приобщиться к богатому национально-культурному наследию казахов.

Подготовленная М. Жумабаевым монография «Педагогика» стала для казахского народа первой педагогической книгой, написанной с учётом этнических особенностей. Работа М. Жумабаева «Педагогика» пронизана национальными мотивами, которые прослеживаются в примерах из жизни и быта казахов, в метафорических иллюстрациях при использовании мудрости Востока, используется историческая фактология, упоминаются произведения современных для того времени известных казахских писателей и поэтов, идёт обращение к примерам народного фольклора (народные пословицы и поговорки, легенды, сказки, предания, колыбельные и др.), иллюстрирование национальными традициями и праздниками. При описании красот природы родного края прослеживается эстетика слова, присущая поэту и педагогу. Этнические мотивы позволили автору приблизить педагогическое знание к народу. Богатый этнический материал вызывает восхищение писательским дарованием автора и его эрудированностью, которая преломлена к педагогической тематике.

Использование ярких эмоционально окрашенных этнических мотивов в монографии М. Жумабаева «Педагогика» приближают произведение к адресанту, которым должен был стать казахский народ. Фактически труд М. Жумабаева «Педагогика» заложил основы для учёта национального своеобразия и культуры в воспитании и обучении детей. «Труд «Педагогика» стал для казахского народа фундаментом для развития педагогической мысли, заложил основания в педагогическую казахскую педагогику, стал источником для дальнейшего продвижения передовых педагогических идей в практику жизни казахского народа» [Аксютин 2023б, с. 35].

Педагогическое наследие Магжана Бекеновича Жумабаева изучено явно недостаточно. М. Жумабаев указывает на влияние научных работ Рубинштейна, Скворцова и Смирнова, при работе над «Педагогикой», а имена и отчества ученых педагогом не указаны. Скорее всего речь идет о

Моисее Матвеевиче Рубинштейне, Иване Васильевиче Скворцове и Константине Николаевиче Смирнове, работавших в то время на поприще образования в Российской Империи. Дальнейшей перспективной исследования может стать выявление идей, указанных ученых, повлиявших на содержательное наполнение «Педагогики» М. Жумабаева.

#### **Библиографический список**

Аксютинa З.А. Педагогический путь Магжана Жумабаева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 4(33). С. 99-103.

Аксютинa З.А. Казахский педагог и поэт Магжан Жумабаев: реальность и мифы // Педагогика. 2023. Т. 87. № 4. С. 95-102.

Аксютинa З.А. Педагогическое наследие Магжана Жумабаева // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: Материалы международной научной конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2023 года. Том 1. – СПб, 2023. С. 33-36.

Закирова А.Ф. Педагогическая герменевтика. – М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2006. – 328 с.

Темирканова С.З. Философские мотивы в поэзии Магжана Жумабаева. – Петропавловск: Северный Казахстан, 2020. – 100 с.

Жумабаев М. Педагогика. – Алматы: Ана тілі, 1992. – 160 с.

Біздин Мағжан. Безендірілген мерейтойлық жинақ / казак, орыс, тұрік және ағылшын тіддерінде / Құраст.-автор: Шанбай Т. – Петропавловск, 2018. – 176 бет.